

ЛУЧШАЯ
МОЛОДЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

ТОМ и ДЖОВАННА
ФЛЭТЧЕР

НОВАЯ ЕВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Ф71

Giovanna & Tom Fletcher
EVE OF MAN

*Original English language edition first published
by Penguin Books Ltd, London.*

Печатается с разрешения издательства Penguin Books Ltd.

Перевод с английского *Ирины Литвиновой*

Дизайн обложки *Владислава Воронина*

Флетчер, Том и Джованна.

Ф71   Новая Ева: [роман] / Том и Джованна Флетчер; пер.
с англ. И. Литвиновой. — Москва: Издательство АСТ,
2019. — 448 с. — (Лучшая молодежная фантастика).

ISBN 978-5-17-110129-9

Ева — обычная девушка-подросток, но от нее зависит судьба всего мира.

Ведь она — первая и единственная девочка, родившаяся за последние пятьдесят лет. Ответ на молитвы человечества. Его единственная надежда.

А это значит, что в шестнадцать лет она должна выбрать партнера — одного из трех специально отобранных юношей. Но Ева уже влюблена в другого!

Сможет ли она сделать правильный выбор между любовью и долгом?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110129-9

Copyright © Tom Fletcher and Giovanna Fletcher 2018
© И. Литвинова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Нашим мальчишкам

Пролог |

Поначалу никто ничего не заметил. Разве что акушерки, возможно, тихонько посмеялись при виде оравы младенцев, завернутых в голубые одеяльца. Хоть бы одно розовое промелькнуло — но нет. В отдельных родильных домах попросту не обратили на это внимания. Кто мог знать, что этот «голубой» день — только начало?

Следующие сутки, окрашенные в тот же цвет, вызвали замешательство и заставили медиков нахмурить лбы.

Рождались только мальчики.

Уму непостижимо. Тем не менее, все предположили, что это не более чем совпадение. Просто Y-хромосома проявляется чаще, чем обычно.

На третий день средства массовой информации пролили свет на происходящее: *Отныне это действительно мир мужчин*. Теперь об этом заговорили все. Докторам и акушерам стало ясно, что их клиника не единственная, где господствует голубой цвет. Голубой взял верх, захватывая не только целые больницы, не только страны, но и весь мир.

Куда же подевался розовый?

При том, что раньше каждую неделю на свет появлялось около двух с половиной миллионов детей, из них половина — девочки, внезапный дисбаланс оказался слишком разительным, чтобы его игнорировать. Миро-

вые лидеры собрались вместе с самыми уважаемыми учеными, чтобы разобраться в том, что происходит, и обсудить необходимые меры для мониторинга ситуации. Предстояло выработать этический подход к решению проблемы — нельзя же лишать людей их законных прав. Так они заявляли.

На первых порах.

Но то, что поначалу представлялось необъяснимым феноменом, вскоре стало угрозой для человечества, поставившей его на грань вымирания. И вот тогда правительства перестали быть благородными. Отныне женщины стали более контролируемыми и угнетенными, чем когда-либо прежде.

Все они проходили обязательное обследование. Начать с того, что беременных просвечивали ультразвуком с целью определить пол будущих детей. По прошествии времени, когда картина рождаемости так и не изменилась, всех женщин в возрасте до пятидесяти лет стали обследовать в попытке выяснить причину появления «голубого» поколения.

Поощрялись сексуальные связи — власти хотели повысить рождаемость в надежде, что рано или поздно природа смилостивится и подарит миру девочек. И девочки действительно появлялись — их видели в утробе, бултыхающихся в околоплодных водах, пинающих своих мамочек хилыми ножками и ручками.

Но ни одна не выжила.

Постепенно и эти случайности сошли на нет. Больше не было розового, не было и потерь. Наука боролась годами. Годами. И годами. Причину так и не нашли. Никаким прорывом и не пахло. А если не выявлена причина, то и лекарства не подобрать. Будущее человечества тикало вместе с биологическими часами оставшихся женщин детородного возраста.

Власти обещали миру, что никогда не сдадутся. Они спасут человечество. Что-нибудь придумают.

И люди послушно исполняли свою роль. Молились. Молились всем богам, чтобы те даровали им возрождение рода человеческого. Долгое время их мольбы, казалось, никто не слышал. Люди стали молиться усерднее, настойчиво взывая ко всем могущественным существам. Они раскопали древние религии, выковали новые и с надеждой бормотали божественные песнопения.

И вот, после полувека отсутствия женщин, случилось чудо — и это произошло вовсе не в стерильной научной лаборатории.

Коринна и Эрни Уоррен прожили в браке двадцать пять лет. Они всегда хотели детей, но мать-природа как будто противилась их желанию. Коринна переносила выкидыш за выкидышем, пока в конце концов супруги не отказались от своей мечты стать родителями. В сорок три года ее исключили из числа потенциальных рожениц. Уоррены приняли этот приговор с большой грустью, но в то же время и с некоторым облегчением. Горе изрядно потрепало им нервы, сломило, но не разлучило, и они по-прежнему держались друг за друга.

Спустя восемь лет, в пятьдесят один год, Коринна неожиданно забеременела. Естественным путем. Они с Эрни были вне себя от радости, но вместе с тем и страшно напуганы. Что, если они потеряют ребенка, как уже случалось много раз? Они не могли смириться с очередным выкидышем.

Как и любую женщину, Коринну отправили на обследование — но, в отличие от других, они с Эрни с готовностью откликнулись на предложение пройти тесты. Они хотели убедиться, что их ребенок крепкий и здоровый, стремились сделать все возможное, чтобы обеспечить безопасное рождение маленького существа, которое уже полюбили всей душой, и ради него были готовы на все.

Их сердца зашлись от восторга, когда они увидели свое творение на дисплее аппарата УЗИ. Их ребенок. Их счастье.

Для акушерки, приставленной к Коринне, процесс ультразвукового исследования давно стал рутинной — монотонной серией тестов с заведомо известным результатом. Она не ожидала увидеть ничего, кроме голубого цвета.

Но что это?

Розовый.

Появление *ее* обернулось настоящим потрясением.

И вызвало всеобщую панику. Результат, полученный в смотровом кабинете, волной истерии пронесся по всему земному шару. Люди не могли поверить, что наконец-то пришла хорошая новость. Они жаждали узнать как можно больше о паре, подарившей им надежду.

Но история болезни Коринны с бесконечными выкидышами, ее возраст и тот факт, что за последние десятилетия еще ни одна девочка не выжила, вызывали серьезное беспокойство. Коринну и Эрни перевели в специализированное медицинское учреждение для пристального наблюдения за ходом беременности. Кроме ежедневного сканирования, больше никаких тестов не проводили. На этот раз матери-природе позволили проявить себя в полной мере — по крайней мере, пока не возникнет причин для вмешательства. Возможно, пришло время снова довериться человеческому телу.

Коринна и Эрни понимали необходимость постоянного мониторинга развития плода и всеобщее желание сохранить их дочь. Они с готовностью принимали советы медиков. И радовались тому, что для всех этот ребенок такой же особенный, как и для них. Девочка нуждалась в заботе и внимании. Они не возмущались наложенными на них ограничениями. Как и тем, что к ним не допускали никаких посетителей. Они согласились на все условия, лишь бы их ребенок благополучно появился на свет.

При родах возникли осложнения. Мать и дочь оставили одних бороться за жизнь. Коринна умерла вскоре после того, как разрешилась от бремени, исполнив свое главное предназначение.

Эрни, убитый горем, не мог справиться с утратой.
Какой из него отец?

Он так и не подержал на руках свою дочь.

Так никогда и не поцеловал ее.

Не сказал, что любит.

А что же стало с малышкой?

Мир ждал ее появления на свет, затаив дыхание
в предвкушении новости о том, что надежды человечества
оправдались, что наконец-то родилась девочка.

Она действительно родилась.

И, вопреки всему, выжила.

Первая девочка, родившаяся за последние пятьдесят
лет.

Ее назвали Евой.

Она олицетворяла собой возрождение человеческой
расы. Она стала ответом на молитвы людей. Для всего
мира она была главной заботой и последней надеждой.

Ева, спасительница человечества.

Я — Ева.

Хорошие пальчики, озорные пальчики. Хорошие пальчики, озорные пальчики. Хорошие пальчики, озорные пальчики...

Сидя на краю Капли и болтая ногами, я вытягиваю ступни вперед, потом сгибаю их, чувствуя напряжение икроножных мышц, и наслаждаюсь ощущением ветерка на моей коже.

Мне нравится здесь. Снаружи. Нежиться под теплыми лучами солнца. Высота меня не пугает, и это хорошо: кажется, я всю жизнь живу над облаками в построенном для меня святилище, где ем, учусь и расту. Все, что мне только может понадобиться, находится здесь, в просторном пузыре Купола, сквозь стеклянные стены которого глядит красота внешнего мира. Солнечные лучи отражаются в каждой поверхности.

Здесь, в моем доме над облаками, меня не видно, и я ничего не могу разглядеть за белой воздушной пеленой, скрывающей мир и меня друг от друга. Правда, порой мне кажется, будто я вижу очертания города внизу, но, возможно, это всего лишь игра воображения.

Тем не менее, мне нужно быть ближе к миру. Мне нужно познать его. Вот почему я люблю сидеть на Капле. Это мое место, моя пристань в конце пути в никуда.

Только здесь, в тишине и покое, я могу поразмышлять о прожитом дне и своем будущем.

Нашем будущем.

Будущее.

— Вот ты где, — говорит Холли, проходя через стеклянные двери в нескольких метрах позади меня. Можно подумать, я могу быть где-то еще.

Я редко бываю совсем одна. Или, скорее, никогда не остаюсь надолго, прежде чем появляется она. Не отрывая глаз от прекрасного вида, я приветственно машу ей рукой. Холли не виновата в том, что нарушает мой покой. Она лишь выполняет то, что ей велят. Они хотят слышать мои мысли — особенно сейчас, в преддверии завтрашнего дня. Потому ее и послали ко мне. Холли. Моя лучшая подруга. Моя постоянная спутница. Мой якорь. Только что мы вместе с ней обсуждали в классе, как это Уильяму Шекспиру удается превращать трагедию в почти что комедию. Она высказала немало интересных мыслей, которые показались мне интригующими и глубокими — иногда я узнаю от нее не меньше, чем от преподавателей.

Впрочем, сейчас Холли совсем другая. Она не похожа на всезнайку и выглядит более... понятной.

— Милые туфельки, — киваю я на оранжевые слипоны, когда она садится рядом со мной. Ее медовые светлые волосы даже не шелохнулись на ветру, однако она плотнее запахивает джинсовую куртку, словно ежась от холода.

Меня забавляет то, что ей постоянно меняют наряды, подбирая одежду на каждый день и каждую встречу со мной. К чему все это? Возможно, чтобы показать, чего ждут от меня, или пробудить во мне чувство стиля и интерес к моде, потому что мне ведь не у кого учиться. Я — единственная девушка на планете.

Мне никогда не говорят прямо, что надеть. Я могу выбирать что угодно из множества вещей, хранящихся в моей гардеробной — по большей части винтажных

моделей прошлых десятилетий, собранных со всего света. Тут и геометрические принты, и брюки клёш, и жакеты с накладными плечами или симпатичные платья-рубашки.

Да, у меня все еще есть свобода выбора. Взять хотя бы сегодняшний день. Утром я выбрала летящий бирюзовый сарафан с изысканным белым цветочным узором. Чуть ниже колена, он открывает широкую, в пару дюймов, полосу голой кожи ног между подолом и краем коричневых сапожек на шнуровке, которые я подобрала к нему. Я видела фотографии похожих платьев — их носят с туфлями на танкетке, сандалиями или эспадрильями, но моя обувь всегда должна быть зашнурована и завязана, когда я нахожусь на Капле. Никаких слипонов. Во всяком случае, здесь.

На Холли это почему-то не распространяется, что меня раздражает, хотя только потому, что я вижу в этом небрежность с их стороны. Зачем издавать регламенты, приставлять ее ко мне, в то же время сохраняя тeneвую область, где мы не привязаны к одним и тем же правилам? Это выглядит как насмешка над ней, что мне категорически не нравится.

Я стараюсь подавить глубокий вздох и отвожу взгляд. Медленно прочесываю пальцами кончики своих длинных каштановых волос, спутавшихся на ветру.

Когда я была моложе, Матери обычно укладывали мои волосы. Тогда их прически казались мне слишком замысловатыми, чтобы я могла их повторить, но теперь я часами играю со своими волосами и весьма преуспела в парикмахерском деле. Я умею завивать локоны, завязывать ленты, заплетать косы, закреплять пряди шпильками... Возможности поистине бесконечны. Чему я очень рада. Во всяком случае, мне хоть есть чем заняться. Когда-то мне разрешали экспериментировать с макияжем, но теперь я наношу его только по особым случаям, чтобы не тратить впустую запасы косметики. Поскольку спрос на такие продукты уже не тот, что раньше,

на новые поставки рассчитывать не приходится. Того, что имеется в наличии, мне должно хватить надолго.

— Значит, завтра, — прерывает молчание Холли.

— Да, точно. — Усмехаясь, я поворачиваюсь к ней и вижу, как мерцают ее бледно-зеленые глаза, когда она смотрит прямо перед собой. Иногда, обсуждая подобные темы, она ходит вокруг да около, заставляя меня нервничать и ершиться, поскольку я не знаю, куда может завести разговор. А порой, как в классе, она предельно собрана и сосредоточена исключительно на работе. Я предпочитаю такие моменты, как сейчас. Такой она мне больше нравится. Наше общение кажется более искренним. И она как будто настоящая.

— Это великий день, — говорит она, пожимая изысканными плечами.

— Самый важный в моей жизни. — Я киваю в знак согласия, теперь уже с серьезным видом. Мне хочется, чтобы она думала, будто ей удалось заинтересовать меня и я готова к глубокому и содержательному разговору. — Ну, если не считать моего рождения — то было эпохальное событие.

— Да ничего особенного, — отвечает она, пытаюсь скрыть улыбку, мелькающую в уголках рта.

— Уж точно не самая горячая новость, — ухмыляюсь я.

— Вот именно, — еле слышно произносит она. — Тогда расскажи мне о нем.

— У меня в комнате целое досье на него. Можешь пойти посмотреть, если хочешь. Или принесешь его сюда? — дерзко предлагаю я, зная, что ей уже известно его содержание и что она не смогла бы принести его сюда, даже если бы нам разрешали хоть что-то приносить на Каплю.

— Пытаешься от меня избавиться? — спрашивает она, и в ее широко раскрытых глазах вспыхивают искорки.

— Еще чего, зачем мне это делать? — смеюсь я, мысленно возвращаясь к незнакомцу, с которым мне суждено